

определяли общую массу блока и массу некроза, рассчитывали % ЗН и % его уменьшения по сравнению с контролем на каждом уровне и в левом желудочке в целом.

Результаты и обсуждение

Проведенные эксперименты показали, что в контрольной группе животных ЗН составила 31,6% от массы левого желудочка, при этом выраженность некротических изменений возрастала по мере удаления от места окклюзии (25,2, 24,1, 36,7, 38,7% соответственно на I, II, III, IV уровне срезов миокарда) и достигала максимума на V уровне (54,8%).

Наибольшей способностью ограничивать ЗН при ЭИМ обладало соединение А-7 (на 82,6% меньше, чем в контроле), причем наиболее значимый защитный эффект был выражен на V уровне срезов (93,9%). На I, II, III и IV уровнях результаты варьировали (75,5, 85,5, 91,4 и 69,8% соответственно).

Использование перлингана приводило к уменьшению ЗН на 41,2%. Антинекротическое действие в большей степени имело место на V уровне срезов (59,5%) и в меньшей – на III, II, I и IV уровнях (41,2, 39,2, 37,7 и 34,4% соответственно).

Кардиопротекторные свойства кордарона и обзидана существенно не отличались – размеры ЗН под воздействием этих препаратов составили соответственно 15,4 и 15,3% от массы левого желудочка, что на 51,3 и 51,6% соответственно меньше, чем в контроле. При этом в обоих случаях максимум эффекта приходился на V и IV уровни срезов (74,0 и 63,2% для кордарона и 70,3 и 61,4% для обзидана). Минимальное защитное действие отмечалось у кордарона на II уровне (32,1%), а у обзидана – на III (41,8%).

Финоптин лимитировал развитие некротического поражения миокарда на 49,8%, проявляя

наибольшую активность на V и I уровнях (62,5 и 56,6% соответственно). На IV, III и II уровнях отмечалось последовательное ослабление действия препарата (ЗН на 50,1, 44,3 и 41,3% соответственно меньше, чем в контрольной серии).

При анализе кардиопротекторного действия по уровням срезов миокарда в этой серии опытов установлено, что максимальный защитный эффект у всех изучаемых веществ проявляется на V уровне, т. е. в дистальных участках миокарда левого желудочка и в меньшей степени выражен на других уровнях.

Выводы.

Таким образом, сравнительное изучение размеров ЗН через 7 суток после моделирования ЭИМ при курсовом введении веществ показало, соединение А-7 проявляет выраженный кардиопротекторный эффект, превосходя по активности перлингана, кордарона, обзидана и финоптин.

Список литературы

1. Galenko-Yaroshevskii P.A., Melkumova E.R., Bartashevich V.V., Uvarov A.V., Turovaya A.Yu., Khankoeva A.I., Galygo D.S. A comparative study of the effects of dimebon, obsidan, finoptin, and cordaron on the functional state of ischemic focus and size of necrotic zone in experimental myocardial infarction// Bulletin of Experimental Biology and Medicine. - 1996. - T. 122, № 12. С. 1205-1207.
2. Каде А.Х., Туровая А.Ю., Галенко-Ярошевский П.А., Уваров А.В., Губарева Е.А., Романова Е.И. Влияние пропранолола, амиодарона и верапамила на нарушения сердечного ритма центрального генеза// Фундаментальные исследования. — 2010. — №1 — С. 51-56.
3. Туровая А.Ю., Уваров А.В., Галенко-Ярошевский А.П., Духанин А.С., Каде А.Х. Влияние пропранолола, амиодарона и верапамила на функциональную активность рецепторов ЦНС, сопряженных с ионными каналами// Фундаментальные исследования. — 2013. — №12-2. — С. 344-349.
4. Уваров А.В., Туровая А.Ю., Галенко-Ярошевский А.П., Духанин А.С., Каде А.Х. Влияние пропранолола, амиодарона и верапамила на функциональную активность рецепторов ЦНС, сопряженных с G-белками// Фундаментальные исследования. — 2014. — №4-1. — С. 167-172.
5. Галенко-Ярошевский П.А., Уваров А.В., Линченко С.Н., Попов П.Б., Попков В.Л., Туровая А.Ю., Тюхтенева З.И., Чередник И.Л. Противоаритмическая активность производного гамк ТЗ-50-2// Бюл. экпер. биол. — 1999. — Т.127, №4. — С. 415-418.
6. Galenko-Yaroshevskii P.A., Kryzhanovskii S.A., Uvarov A.V., Turovaya A.Yu., Popov P.B., Khankoeva A.I. Cardioprotective effects of T3-146, a cyclic derivative of γ -aminobutyric acid, under conditions of reperfusion//Bulletin of Experimental Biology and Medicine. - 1997. - T. 124, № 11. - С. 1091-1094.

Культурология

ВЕРБАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Исина Г.И.

*Карагандинский государственный университет
им. Е.А.Букетова, Караганда, Казахстан*

У каждой культуры есть своя логика и свое представление о мире. То, что значимо в одной культуре, может быть несущественно в другой. Каждая культура содержит в себе целый ряд ключевых элементов – явлений, которые являются определяющими в способах общения и поведения индивидов. К одному из таких существенных явлений относятся стереотипы.

Понятие «стереотип» в настоящее время является одним из распространенных и носит

в большинстве случаев оценочный характер. Энциклопедический словарь определяет социальный стереотип, с одной стороны, как схематический, стандартизованный образ, или представление о социальном явлении или объекте, а с другой стороны, считает его синонимом предвзятых представлений, ложных образов, «ходячего мнения», связанных с классовыми, расовыми предрассудками [1].

Основой формирования стереотипов служат реальные культурные различия, которые легко могут быть восприняты на уровне поведения в ситуации межкультурного взаимодействия. Межкультурная коммуникация представляет собой процесс непосредственного взаимодействия культур, а весь процесс такого взаимодействия осуществляется в рамках несовпадающих наци-

ональных стереотипов мышления и поведения, что существенно влияет на взаимопонимание сторон в коммуникации [2, с.97].

Важно отметить, что набор поведенческих стереотипов, выработанный в ходе исторического развития тем или иным языковым сообществом, находит свое воплощение в определенных языковых формах. Использование или не использование говорящим этих форм в процессе коммуникации сразу же показывает, кто «свой - чужой». Именно поэтому в последнее время все большее внимание в лингвистике уделяется исследованию стереотипов, поскольку знание их людьми определяет во многом успех межкультурного общения.

Вторжение стереотипов в языковую среду зачастую приобретает самые неожиданные формы, приводящие к непониманию в общении между представителями различных лингвокультурных обществ. Действительно, говорить на иностранном языке, не зная стоящих за ним культуры, норм поведения, соотносимых с определенными стереотипами, значит заведомо обречь себя на бесконечные ошибки.

Нехватка знаний о традициях, образе жизни и стиле мышления зачастую приводят к неверному, искаженному пониманию некоторых понятий. Дело в том, что представители определенной этнической группы в процессе общения пытаются найти прямые эквиваленты родному языку в чужом, упуская из виду то, что составляет суть и специфику культуры. Так, в русском языке это относится к понятиям «тоска», «душа», в английском – ‘privacy’ или ‘committed’ [3, с.18]. Для гражданина США они ассоциируются с традицией индивидуализма, а в России – с православным мировоззрением.

В течение многих столетий определяющим фактором русской культуры была православная вера, определявшая нравственность. Вера поддерживала в русском человеке чувство ответственности за других и чувство ответственности перед Богом, твердую уверенность, что в жизни есть направление, смысл. В современном обществе вера как ценностная ориентация претерпевает кризис, однако концепт «вера» по-прежнему находит отражение в языке: «Не нашим умом, а Божьим судом», «Все мы под Богом ходим».

Ключевым концептом в системе ценностных ориентаций русского народа является концепт «воля». Широкое пространство всегда владело сердцем русским. В русской культуре в концепте «воля» присутствуют коннотации простора, широкого пространства: «Цвет в поле - человек в воле», «Своя воля царя боле». Воля – специфический русский концепт. Воля переводится, к примеру, на английский язык как will - «желание» или чаще freedom - «свобода». Для русского человека «свобода» - это воля, не ограниченная какими-либо нормами. Для англича-

нина «freedom» ассоциируется, скорее, с личными правами и личным пространством индивида.

Правильное понимание культурной ситуации взаимодействия определяет адекватность выбора языковых средств: чтобы действовать, не вызывая противодействия и неприятия, мы должны стремиться, чтобы нас поняли. Как перевести на любой другой язык такие очевидные для нас понятия, как «задушевный», «неприкаянный», «воля» или, скажем, элементарное «неудобно»? Точных их аналогов в других языках не существует. В английском, например, есть неперебиваемое на русский «fair». Если в русском языке гусь вызывает представление о важности или жуликоватости, то в английском эта реалия ассоциируется с богатством, глупостью и т.п. Ср.: важный гусь, экий гусь, гусь лапчатый (о человеке); the goose that lays the golden eggs – «курица, несущая золотые яйца», источник обогащения; the older goose the harder to pluck – «чем старше человек, тем труднее заставить его расстаться с деньгами»; as silly as a goose – «глуп как пробка» и т.п.

В процессе социализации человек вырабатывает ту манеру поведения, которая свойственна его социокультурной среде и, тем самым, приобретает ценностную ориентацию, влияющую на систему его восприятий. Эта система ориентирования опредмечивается в языке. Семантика слов и понятий носит отпечаток культурной специфической среды и отражает опыт данного общества. Возьмем, к примеру, слово «дом». В основном словари определяют его как «здание, в котором живут люди» (в англ. house “a building for human habitation”). Такая дефиниция денотативна, т.е. обозначает лишь предмет во внеязыковой реальности, без учета эмоциональных и культурных сопутствующих значений. Одно и то же слово в разных языках и культурах может иметь различное значение, а кажущиеся идентичными понятия выражаются по-разному.

Широко известно, какую роль играет в английской культуре концепт дома/домашнего очага – того, что обозначается словом «home». Дом наиболее близок по значению к русскому понятию «Родина» и английскому ‘homeland’ (хотя существует, конечно же, и вариант ‘motherland’). Сам факт, что родная земля ассоциируется в английском языке с домом, знаменателен. Это подтверждается многочисленными пословицами, крылатыми выражениями: “Home, sweet home”, “East or West, home is best”, “An Englishman's home is his castle” и т. п., а также обилием слов, от ‘home’ образованных: ‘home-coming’, ‘homesickness’, ‘homey’, ‘homeliness’ и т. д. В основе английского концепта «дом» (‘home’) нетрудно разглядеть вытекающую из географического положения страны идею обособленности, отделенности от всего остального мира и замкнутости в своем небольшом уютно обустроенном пространстве.

Для английского национального сознания частная жизнь, приватность (privacy) и свобода (freedom) определяются друг через друга, составляя единое смысловое целое. Приватность является реакцией на скученность, желанием защитить личностное пространство, которое англичане ощущают почти физически как продолжение собственного тела и оберегают очень ревностно. О важности данного концепта для английского сознания свидетельствует обилие словосочетаний, с ним образованных: 'private life', 'private means', 'private property', 'in private' и т. п. В то же время 'privacy' вплотную подводит нас и к пониманию английской сдержанности, которая вовсе не является следствием отсутствия эмоциональности, как это представляется многим иностранцам, но стремлением сохранить комфортную обстановку общения, нежеланием смутить собеседника. Известно такое высказывание английского писателя Дж. Оруэлла: "The most hateful of all names in an English ear is Nosey Parker". "Nosey Parker" - человек, который любит «совать нос» в чужую частную жизнь.

Человек воспринимает мир, понимает явления окружающей его действительности в соответствии с теми жизненными установками и стереотипами, выработанными в процессе социализации обществом, в котором он проживает. Это находит непосредственное отражение в понятиях на основе родного языка во всем многообразии его выразительных возможностей, выступая своего рода мерилем всех явлений и значений окружающего мира.

Язык, культура, «сознание» объективно взаимосвязаны и влияют друг на друга, и это достаточно четко отражается в лингвокультурной специфике каждого этноса. Общественное сознание не могло бы возникнуть без языка, поскольку опыт познания мира отдельными индивидами может превратиться в коллективный

опыт только при помощи языка. Общественная практика, отраженная в языковом сознании, порождает стереотипы, способствующие эффективному общению. В этом случае стереотипы интерпретируются как коммуникативные единицы того или иного этноса, обладающие способностью определенным образом оказывать типизированное воздействие на сознание социализируемого индивида. Следовательно, изучение взаимопроекции языкового и этнокультурного сознания, а также категоризации и оценки как составляющих основу процессов стереотипизации сознания, является важным фактором, содействующим развитию межкультурной коммуникации [5].

Таким образом, стереотипы, являющиеся одним из доминирующих фрагментов этнокультурного сознания, играют определяющую роль в процессе межкультурной коммуникации, что особенно актуально в современном мире в связи с динамическим развитием глобализационных процессов. Роль стереотипов в межкультурном общении очевидна и бесспорна, поскольку в условиях, когда языковые и национально-культурные различия коммуникантов затрудняют взаимное восприятие информации, знание стереотипов – специфических «свернутых моделей» поведения – способно облегчить общение, выступая сигналами тех или иных ситуаций и смыслов.

Список литературы

1. Советский энциклопедический словарь. Ред. А.М. Прохоров - М.: Советская энциклопедия, 1990. – 1630 с.
2. Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры / Этнокультурная специфика языкового сознания. Сб. статей / отв. ред. Уфимцева Н.В. М., 1996. – С.97-112.
3. Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. М.: Валент Р., 2003. – 190 с.
4. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. – М.: Советский писатель, 1988. – 445 с.
5. Илина Г.И. Стереотипы и национальная языковая картина. Караганды: Изд-во КарГУ, 2007.

Медицинские науки

СКРИНИНГ-ДИАГНОСТИКА ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ МИОКАРДА У ПОДРОСТКОВ С АРТЕРИАЛЬНОЙ ГИПЕРТЕНЗИЕЙ

Макарова В.И., Краева Н.В.

*Северный государственный медицинский
университет, Архангельск, Россия*

Актуальность. В настоящее время большое внимание уделяется новым методам скрининговой диагностики сердечнососудистой патологии. При проведении профилактических осмотров населения и организации Центров здоровья, в работу последних был внедрен метод дисперсионного анализа низкоамплитудных колебаний временных интервалов кардиоцикла с помощью прибора «Кардиовизор-06с» для

оценки функционального состояния сердечной мышцы у взрослых [1].

Цель исследования: выявить значимость и эффективность дисперсионного анализа низкоамплитудных колебаний временных интервалов кардиоцикла в оценке функционального состояния миокарда у подростков с артериальной гипертензией.

Материал и методы. Под наблюдением находились 133 пациента подросткового возраста (12-18 лет) с равным распределением между мальчиками и девочками, из них с синдромом артериальной гипертензии 83 подростка и 50 здоровых детей. Всем детям проведено клинико-лабораторное и инструментальное обследование в соответствии с общепринятой схемой клинического исследования. В качестве скрининга